
К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

М.А. Никулина

Кафедра иностранных языков ФМиЕН
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются проблемы, связанные с процессами становления русскоязычных терминологических систем «нового времени» (LSP экономики, бизнеса, рекламы, компьютерных технологий и т.п.). Акцент сделан на разработке критериев для классификации заимствуемых терминологических единиц на объективно «полезные» и объективно «вредные» для дальнейшего развития русскоязычной терминологии в современных условиях. Предложенная в статье классификация заимствованных терминов на «концептуальные», «компактные» и «безэквивалентные» единицы специальной номинации может рассматриваться как попытка создать инструмент для объективной оценки целесообразности того или иного заимствования в сферу функционирования и фиксации терминологической лексики в системе принимающего языка.

Ключевые слова: критерии «полезных» заимствований, смысловая эквивалентность, мониторинг терминологической системы.

В сфере современной русскоязычной специальной коммуникации, к которой можно в качестве примеров причислить русскоязычные терминологические системы информационных технологий, рыночной экономики и рекламы, наблюдается ярко выраженная тенденция к заимствованию единиц специальной номинации из англоязычной терминологии. Возникновение переводческих лакун в указанных областях обусловлено, по всей видимости, тем, что, в силу их более позднего развития, по сравнению с одноименными англоязычными языками для специальных целей (*languages for special purposes* — LSP), до недавнего времени многие понятия отсутствовали. В то же время известно, что сигнификаты, как и соответствующие им термины, заимствуются в иноязычную терминологию только тогда, когда становится очевидной их востребованность практикой, то есть когда появляются соответствующие реалии, требующие наименования и определения. Например, для экономики советского периода совершенно не были актуальны такие термины, как: *rate-holder* — *небольшое по объему рекламное объявление, представляющее рекламодателю право претендовать в последующем на пониженный тариф* [3. С. 121]; *мерчендайзинг* — *рекламирование товара среди оптовиков, дилеров и в розничной торговле* [3. С. 82]; *промоушн* — *продвижение товара на рынок* [3. С. 115].

Появление большого числа заимствований (в том числе терминологического характера) определяется языковой интерференцией, или взаимовлиянием контактирующих языков, которое может быть как отрицательным, так и положительным для дальнейшего развития принимающего языка. Язык, испытывающий, по объективным причинам, дефицит языковых средств для обозначения новых реалий в оп-

ределенной сфере специальной коммуникации, стремиться компенсировать их за счет другого, более развитого в этом отношении, языка: «В силу языковой „недостаточности“ в деловом общении очень часто имеет место перенос (transfer), конвергенция (convergence) или заимствование (borrowing)...» [1. С. 40].

В ряде случаев заимствование терминов не является обоснованным, так как в русском языке существуют собственные приемлемые эквиваленты, которые могли бы войти как в сферу функционирования, так и в сферу фиксации единиц специальной номинации в качестве альтернативы заимствуемым терминам, например: *розничная продажа* (против *ритейл*), *торговая марка* (против *бренд*), *поставщик продукции* (против *вендор*), *торговая точка* (против *POS — point-of-sale*), *резервные копии* (против *бэк-ап копии*) и т.п.

Изучая структуры LSP различных отраслей знания, можно убедиться в том, что благодаря своим богатым словообразовательным возможностям русский язык в высокой степени способен ассимилировать единицы специальной номинации, заимствованные из иноязычных терминологических и лексических систем. Иными словами, материальные знаки многих терминов могут быть адаптированы к системе русского языка без ущерба для ее функционирования и развития.

Иногда ассимиляция термина происходит поэтапно. Например, в начале XXI в. в русскоязычную терминологическую систему экономики и бизнеса вошел термин *дорожная карта* (в значении «*стратегическое планирование*»). На ранней стадии заимствования этот термин употреблялся как беспереводной: *roadmap*, а в некоторых случаях (чаще — в офисах) — как *родмэп*. Однако впоследствии этот термин приобрел форму *дорожная карта*, причем именно в таком, адаптированном, виде получил в LSP экономики, бизнеса и рекламы быстрое и повсеместное распространение.

Однако существует и достаточно большое количество терминов, степень чужеродности которых для системы русского языка настолько велика, что возможности для их ассимиляции вызывают большие сомнения. В качестве примера практически неадаптируемой, на наш взгляд, категории терминологических единиц приведем термин *бенчмаркинг*. Эта терминологическая единица имеет англоязычное происхождение: *benchmarking* — *альтернативный метод стратегического планирования, при котором задания определяются не «от достигнутого», а на основе показания конкурентов*.

Частотность данного термина достаточно высока: так, по статистике, «...в настоящее время в русскоязычном Интернете данный термин присутствует не менее чем на 130 сайтах. В LSP экономики и бизнеса термин *benchmark* заимствован из LSP геодезии (*benchmark (benchmarking)* — *репер, база отсчета*), при этом сегодня он активно употребляется в целом ряде англоязычных LSP...» [4. С. 320].

Необходимость же употребления данного термина в русскоязычной терминологии (в «новообретенном» значении) вызывает, на наш взгляд, сомнения, поскольку в русском языке уже существуют такие смысловые эквиваленты данного термина, как: *сравнительный анализ, сравнение с эталоном* и т.п.

В настоящее время назрела, по-видимому, серьезная потребность в разработке критериев, призванных определить целесообразность терминологического заимствования для дальнейшего развития системы принимающего языка. Для создания этих критериев представляется целесообразным руководствоваться положением о неразрывной связи между понятием и термином. Так, логично предположить, что заимствование имеет право на существование лишь в том случае, если в принимающем языке (ПЯ) не существует дублета заимствуемой терминологической единицы, который бы отвечал следующим условиям: а) обладал одинаковой лаконичностью с оригинальным термином и б) максимально совпадал с ним по объему понятия.

Формулируя эти требования с позиций **вариологии**, можно утверждать, что переводческий эквивалент (вариант) термина в системе ПЯ должен максимально совпадать по своему сигнификативному значению с оригиналом термина в системе языка, выступающего в качестве источника заимствования (ИЯ). При этом терминологические единицы в системах ИЯ и ПЯ, максимально совпадающие по сигнификату, также могут, на наш взгляд, считаться вариантами термина — с тем лишь уточнением, что они имеют не внутриязыковой, а межъязыковой характер.

Кроме того, квалифицируя заимствуемый термин как полезный для развития терминологической системы, следует, на наш взгляд, придерживаться принципа: к заимствованию единицы специальной номинации через транслитерацию или калькирование целесообразно прибегать лишь в тех случаях, когда исчерпаны все другие возможности поиска эквивалента в системе ПЯ.

Приведенная ниже классификация основывается на том, что каждое понятие характеризуется со стороны его содержания и объема. В ее основе лежит закон обратного отношения, действующий применительно к содержанию и объему понятия: чем больше содержание понятия, тем меньше его объем. Объемы понятий могут находиться в отношениях *совместимости* (когда они хотя бы частично совпадают) или *несовместимости* (когда они даже частично не совпадают). В свою очередь, отношения совместимости подразделяются на отношения *тождества* (когда они полностью совпадают), *пересечения* (когда они совпадают лишь частично) и *подчинения* (когда объем одного понятия входит в объем другого, но не наоборот) [4. С. 312].

Очевидно, что идеальной для подбора эквивалента является ситуация, когда понятия в системах исходного и принимающего языков находятся в отношениях тождества. Однако на практике понятия в системах исходного и принимающего языков далеко не всегда совпадают — нередки ситуации, когда они находятся либо в отношениях пересечения, либо подчинения. Причины расхождения в объемах понятий терминов в разных национальных языках легко объяснимы, если обратиться к философской подоплеке языкознания. Так, отечественный терминовед А.Х. Султанов писал: «Слово — насквозь смысловая сущность... Так же, как своими телесными глазами человек видит реальные материальные вещи, а не галлюцинации, точно так же своим умственным взором он созерцает смысл вещей,

а не создает его в своей фантазии... В процессе дифференциации научного знания, определившегося в субъектно-объектной оппозиции, происходит постепенное, но неуклонное разъятие сущего самого по себе на ряд в значительной мере изолированных друг от друга гносеологических предметов...» [5. С. 42].

Очевидно, что в системах разных национальных языков — причем как в сфере общелитературного языка (*language for general purposes* — LGP), так и в сфере специальной коммуникации, «умственный взор» коллективного национального сознания различает, как правило, разные смысловые сущности, причем разные и по количеству, и по качеству, и по объему, и по содержанию. На какие именно элементы дробит картину мира та или иная нация (и, как следствие, какими именно терминологическими единицами она пополняет свои подъязыки), влияет множество факторов, среди которых важнейшим является специфика национального сознания, которая, в свою очередь, в максимальной степени зависит от общественно-исторических условий развития нации.

Итак, определим категории терминологических заимствований, которые, согласно логико-семантическим критериям, можно признать целесообразными для дальнейшего развития русскоязычной терминологической системы.

1. Первая категория целесообразных для системы русского языка заимствований включает в себя заимствование **концептуальных терминов**, то есть терминов, означающих ключевые понятия, система которых формирует коллективное мировоззрение.

Такие термины заимствуются, как правило, с целью заменить собой другие, уже существующие, единицы, которые совпадают с ними по объему, но отличаются по содержанию понятия.

Так, в советскую эпоху применительно к работникам организаций использовались такие термины, как *кадры*, *персонал*, *рабочая сила*. В начале 1990-х гг. российский бизнес с готовностью заимствовал западную философию успеха (вместе с ее терминологией). Таким образом, российские компании заимствовали из западной практики термин **человеческие ресурсы**, а в последние годы, наряду с этим термином, и в мировой, и в российской практике стал активно использоваться термин **человеческий капитал**.

Основания для введения данных понятий в экономическую теорию и практику достаточно очевидны: человеческий капитал (в той же мере, что и финансовый) подлежит измерению, умножению, а, следовательно, и управлению, поскольку, согласно распространенному принципу современного менеджмента, «невозможно управлять тем, что невозможно измерить» [4. С. 303].

Очевидно, что объем исконного понятия *рабочая сила* эквивалентен объему заимствованных понятий *человеческий капитал* или *человеческие ресурсы*, причем содержание оригинального и заимствуемого понятий отнюдь не равнозначны.

В целом, можно сказать, что концептуальные термины рассматривают одну и ту же реалию под разным углом зрения. Например, *рабочую силу* можно использовать (эксплуатировать), не задумываясь над тем, что она состоит из личностей, в то время как *человеческий капитал* нужно ценить и заботиться о нем. Таким образом, «...в своей совокупности концептуальные термины-неологизмы форми-

руют новую философию, или внедряют „заимствованное мировоззрение“, предполагающее принципиально иной вектор развития общества и государства» [4. С. 305].

2. Ко второй категории целесообразных заимствований можно, на наш взгляд, причислить заимствование **компактных терминов**. В целом, западное мышление (а англоязычное — особенно) гораздо более дифференцированно, чем русскоязычное, подходит к членению картины мира на отдельные элементы — с последующим их терминованием.

В результате этих процессов генерируются терминологически выраженные понятия, которые, по сравнению с их эквивалентами в системе русского языка, обладают меньшим объемом, но большим содержанием (то есть в плане сопоставления объемов понятий являются более компактными, чем наиболее близкие им понятия в системе русского языка).

В частности, эту тенденцию мы наблюдаем в плане дифференциации человеческой деятельности на большее, чем в русскоязычной традиции, число профессий (предполагающих при этом их более узкую специализацию). Например, это может быть подтверждено фактом наличия такой медицинской профессии, как *podiatrist* (подиатр). Классификатор профессий характеризует данную профессию следующим образом: «врач, занимающийся заболеванием ступней ног (от кожных до костных)».

При этом «...самое близкое по содержанию русскоязычное понятие *оптопед* обозначает врача, который занимается не только ногами, но и всем опорно-двигательным аппаратом, включая позвоночник» [4. С. 308].

Объективно эти понятия находятся в отношениях подчинения, поскольку понятие *оптопед* включает в себя и понятие *подиатр*. Иными словами, объем русскоязычного понятия *оптопед* шире, а его содержание — уже (или компактнее), чем, соответственно, объем и содержание понятия его ближайшего англоязычного аналога *подиатр*.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении профессии *барист(а)* (термин, недавно заимствованный в русский лексикон и обозначающий, согласно классификатору профессий, специалиста в области приготовления кофе) к давно укоренившейся в русском лексиконе профессии *бармен* (термин, обозначающий специалиста, владеющего навыками приготовления не только кофе, но и других, более крепких, напитков). Эти понятия, очевидно, также находятся в отношениях подчинения.

Заимствования такого рода, на наш взгляд, целесообразно квалифицировать как компактные.

3. К третьей категории целесообразных терминологических заимствований мы причисляем заимствования, условно говоря, **безэквивалентных терминов**, т.е. терминов, призванных заполнять терминологические и понятийные лакуны в системе ПЯ.

Эту категорию заимствований наглядно иллюстрируют следующие термины из LSP рыночной экономики: *аутстаффинг* (от англ. *outstuffing*; букв. перевод: *внештатный*); *аутсорсинг* (от англ. *outsourcing*; букв. перевод: *внеперсурсный*).

Поскольку эти термины заимствованы в русскоязычный LSP рыночной экономики сравнительно недавно, в сфере фиксации бумажными словарями их наличие еще не отражено.

В то же время интернет-энциклопедия «Wikipedia» дает следующие разъяснения относительно данных терминов: *аутстаффинг* — это «процесс перевода компанией части своих сотрудников в штат другой организации. У прежнего работодателя они трудятся благодаря договору оказания услуг»; *аутсорсинг* — это «передача организацией определенных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области».

Сущность этих терминов такова, что ни реалии, ими обозначаемые, ни соответствующие им понятия не существовали и не могли существовать в условиях плановой экономики. Соответственно, и в сфере русскоязычной терминологии LSP-экономики отсутствовали переводческие эквиваленты приведенных терминов (в случае появления соответствующих экономических моделей в социалистическую эпоху они бы, скорее всего, квалифицировались как существующие вне легитимного поля). В условиях же рыночной экономики возникла острая потребность в новых экономических моделях. Поэтому на определенном этапе развития общества эти экономические реалии были заимствованы вкуче с соответствующими материальными знаками.

Подобные терминологические заимствования, на наш взгляд, можно условно характеризовать как безэквивалентные.

Таким образом, рассматривая проблему критериев целесообразных терминологических заимствований на основании логико-семантического анализа, можно сделать следующие выводы.

1. В зависимости от объемов обозначаемых ими понятий все термины, заимствование которых можно считать «полезным» для развития системы принимающего языка, могут быть условно подразделены на три категории: **концептуальные, компактные и безэквивалентные**.

2. Объем понятия **концептуального** термина в принимающем языке остается тем же, что и в языке, «поставляющем» данное заимствование (изменению подлежит только содержание обозначаемого понятия).

3. Объем понятия **компактного** термина в ПЯ больше, а содержание понятия, соответственно, меньше, чем в ИЯ.

4. Объем понятия **безэквивалентного** термина в принимающем языке (к моменту возникновения соответствующих реалий в национальной науке, культуре и прочих видах человеческой деятельности) равен, условно говоря, нулю.

Все остальные случаи терминологических заимствований, чаще всего, не являются логически обоснованными, представляя собой, как правило, случаи деструктивной языковой интерференции.

Следует отметить, что ярко выраженная тенденция к использованию единиц специальной номинации, заимствованных из англоязычных терминологических систем, наблюдается сегодня отнюдь не только в сфере русскоязычной специальной коммуникации. Аналогичная тенденция четко прослеживается в современной

сфере специального общения большинства развитых языков мира. Такое положение дел вполне объяснимо, поскольку введение единого языка (каковым на современном этапе является именно английский) привлекает возможностью решить целый ряд проблем, а именно:

- облегчить международное общение;
- сократить финансовые расходы международных компаний и прочих организаций на переводчиков;
- способствовать обмену информацией.

Иными словами, наличие единого языка общения объективно содействует ускорению научно-технического прогресса, бизнеса и торговли.

Так, оценивая роль английского языка в современном мире, французский посол в Великобритании Даниэль Бернар в журнале «Spectator» (от 17 февраля 2001 г.) писал:

«...Глобальный свободный рынок, мобильность рабочей силы, наряду с появлением Интернета и „электронной экономики“, усилили, как нам представляется, роль английского языка... Английский теперь не только язык науки и великой сверхдержавы, но также и язык „электронной деревни“» [цит. по: 6. С. 302].

Признавая объективную необходимость использования английского языка для пополнения интернационального терминологического фонда, многие лингвисты стремятся минимизировать негативные последствия, связанные с приоритетным положением английского языка в сфере специальной коммуникации.

Так, еще в 1980-е гг., в целях защиты других национальных языков от избыточных терминов англоязычного происхождения, руководитель Международного Комитета по унификации терминологических неологизмов З. Стоберский предложил называть каждое новое открытие и техническое новшество на языке страны-первооткрывателя. По его мнению, подобная практика в сфере терминологии «...могла бы способствовать целенаправленному и эффективному формированию терминологического фонда... Все большее число стран принимает проблему постепенной интернационализации научной и технической терминологии, рассчитывая на то, что она уже сейчас принесет им экономические выгоды и, следовательно, будет общественно полезной...» [7. С. 9].

Однако время показало, что в XXI в. законодателями моды в области терминологии стали именно англоязычные страны — прежде всего, США. Такое положение вещей, объективно связанное с экспансией научных и технологических знаний, обусловило приоритетное, или суперстратное, положение английского языка по отношению к другим языкам мира.

Наполнение мирового терминологического тезауруса огромным количеством терминов-англицизмов повлекло за собой, как и предвидел З. Стоберский, не только преимущества, связанные с заимствованием англицизмов, но и многие серьезные проблемы, возникающие в сфере LSP других языков. Так, в современной русскоязычной сфере специальной коммуникации можно диагностировать следующие проблемы: слабая упорядоченность терминологии, большое количество понятийных и терминологических лакун, высокая частотность материальных (зачас-

тую — весьма неорганичных для системы русского языка) знаков англоязычного происхождения, используемых для обозначения новых понятий и реалий.

Тенденция к употреблению заимствованных терминологических единиц сегодня настолько ярко выражена, что нашла отражение в русском фольклоре, который, как правило, чутко реагирует на неорганичные для языковой системы явления. В качестве примера можно привести опубликованный в издании «Аргументы и факты» анекдот:

«Факторинг, лизинг, банкинг, консалтинг, франчайзинг, маркетинг, трейдинг — несуществующие формулы ведения бизнеса в России. Их все заменяет ОТКАТинг» [2. С. 8].

Чтобы минимизировать отрицательные последствия чрезмерного тяготения к заимствованию англоязычных терминов, представляется возможным и целесообразным создание шкалы ассимилированности и актуальности терминов, основанной на мониторинге публикаций, а также опросах носителей языка относительно восприятия ими исследуемого термина. Создание этой шкалы позволило бы, на наш взгляд, найти формы количественного выражения такой важной характеристики, как степень ассимилированности термина, и оказало бы существенную помощь в оценке целесообразности вхождения термина в сферу фиксации (справочники и словари).

Создание шкалы ассимилированности термина требует проведения мониторинга единиц специальной номинации с помощью IT-ресурсов. Следует, однако, учесть, что для мониторинга терминологии при индексировании веб-страниц требуется наличие чрезвычайно мощной поисковой системы. В случае ее создания она могла бы стать серьезным подспорьем для составителей словарей, так как создала бы следующие возможности:

- обнаружения новых терминов;
- подготовки словарей частотного употребления терминов;
- определения авторства терминов (напр., термин корпорации Microsoft, IBM и т.п.);
- нахождения синонимов термина (полного или частичного);
- создания таблиц альтернативных написаний при вводе термина, например: *on-line* и *online*; *onlincommunity* и *virtualcommunity*;
- определения степени актуальности термина: к примеру, путем ввода метрики, учитывающей количество документов, в которых данный термин употреблялся; временные интервалы, в которые он использовался наиболее активно; количество сайтов с его употреблением и т.п.

Наличие вышеприведенной статистики, по всей видимости, дало бы лингвистам возможность оценить степень интереса к термину, а также оказало бы существенную помощь в оценке того, вошел ли тот или иной термин в терминологическое ядро данной предметной области или, напротив, фактически вышел из употребления. Подобная статистика, на наш взгляд, не только бы помогла решить целый ряд лингвистических задач, но и позволила бы оценить состояние и уровень развития практически любой активно развивающейся терминологической системы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алимов В.В.* Интерференция в переводе. — М.: КомКнига, 2005.
- [2] «Аргументы и Факты». — 2008. — № 20.
- [3] *Иванова К.А.* Англо-русский и русско-английский словарь по рекламе и PR. — СПб.: Питер, 2004.
- [4] *Никulina М.А.* Вариологический взгляд на терминологию, проблемы ее распространения и эквивалентности перевода в современных условиях. — М.: РУДН, 2009.
- [5] *Султанов А.Х.* Слово и термин (пролегомены к философии имени). — М.: РУДН, 2007.
- [6] *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. — М.: Слово, 2008.
- [7] *Stobersky Z.* The Worldwide Process of Internization of Scientific Terminology // Neoterm — 1984. — N 1. — P. 3—9.

ON THE USEFULNESS OF ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIAN TERMINOLOGICAL SYSTEMS

M.A. Nikulina

Department of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article analyses the development of Russian “newborn” terminological systems (LSP of economics, business, advertisement, etc.) and offers criteria, which would allow linguists to qualify borrowed terminological units as objectively “useful” or “harmful” for further expansion of modern Russian terminology. The article further classifies the borrowed terms into “conceptual”, “compact” and “equivalent-free” units. This conventional classification represents an attempt to create an assessment instrument, which aims to determine the potential of a borrowed term for assimilation and successful functioning in the new linguistic system.

Key words: criteria for “useful” borrowings, “assimilation scale” of terminological units, equivalence of senses, monitoring of a terminological system.

REFERENCES

- [1] *Alimov V.V.* Interferentsia v perevode. — М.: KomKniga, 2005.
- [2] «Argumenty i Fakty», № 20, 2008.
- [3] *Ivanova K.A.* Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar po reklame i PR. — SPb.: Piter, 2004.
- [4] *Nikulina M.A.* Variologicheskiy vzglyad na terminologiyu, problemy rasprostraneniyya i ekvivalentnosti perevoda v sovremennykh usloviyah. — М.: RUDN, 2009.
- [5] *Sultanov A.H.* Slovo i termin (prolegomeny k filosofii imeni). — М.: RUDN, 2007.
- [6] *Ter-Minasova S.G.* Voina i mir yazykov i kultur. — М.: Slovo, 2008.
- [7] *Stobersky Z.* The Worldwide Process of Internization of Scientific Terminology // Neoterm. — 1984. — N 1. P. 3—9.